

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПУБЛИКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

© 2022 г. С. В. Соколовский

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

E-mail: SokolovskiSerg@iea.ras.ru; SokolovskiSerg@gmail.com

Поступила в редакцию 03.08.2021 г.

После доработки 20.10.2021 г.

Принята к публикации 30.10.2021 г.

В статье анализируются факторы, препятствующие ускоренному развитию инновационных направлений исследований в российской антропологии, в числе которых автор выделяет ориентацию на публикации в зарубежных высокорейтинговых журналах, работающих по бизнес-модели открытого доступа; поддержку и спонсирование российскими министерствами и фондами преимущественно прикладных исследований в ущерб развитию фундаментальных и инновационных направлений, что приводит к разрыву между языками экспертизы и фундаментальной науки и стагнации; слабую инфраструктурную поддержку инноваций и ориентацию на количественный аудит в оценке эффективности работы научных учреждений; недочёты в публикационной и регистрационной политике научных изданий. Автор рассматривает конкретные меры по исправлению сложившейся в стране политики в отношении социальных и гуманитарных дисциплин, предлагая учитывать новейшие тенденции в развитии издательского дела, регистрации и лицензировании научных изданий, находить оптимальный баланс в поддержке естественно-научных, социальных и гуманитарных исследований.

Ключевые слова: социальные науки, гуманитарные дисциплины, российская антропология, мегажурналы, экспертное знание, язык экспертизы, электронные научные издания, аудит научных центров.

DOI: 10.31857/S0869587322020086

Идеалом научного знания с момента его зарождения служит универсальность. Законы физики не имеют национального характера, а если мы и говорим о французской или русской математике, то лишь в смысле наличия соответствующих школ и их историй, иными словами – биографий создававших эти школы исследователей и историй институций. “Русскость” или “француз-

скость” не затрагивает основ самой математики, её аксиоматики и логики. Эти основы потому и имеют универсальный характер, что они одинаковы для всех национальных школ и традиций.

В социальных науках и гуманитарных дисциплинах дело обстоит иначе. Этот весьма широкий круг научных дисциплин испытывает куда более сильное влияние идеологии. Здесь можно возразить, что биологические, точные и естественные науки также не свободны от этого влияния. С таким возражением необходимо согласиться. Вспомним хотя бы историю генетики или кибернетики в нашей стране. Однако то обстоятельство, что развитие этих наук было существенно заторможено, ещё не свидетельствует о том, что это торможение отразилось на предмете данных дисциплин, как можно было бы утверждать, если бы речь вдруг зашла не о влиянии на обстоятельства их развития (социально-политический контекст как внешний фактор), а о формулировании закономерностей в их теориях и концепциях. Идеи известного борца с хромосомной теорией наслед-

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЭА РАН, главный редактор журнала “Этнографическое обозрение”.

ственности, провинциального агронома Т.Д. Лысенко, например, были всё-таки разоблачены как псевдонаучные.

Помимо трансформирующего влияния идеологии и политического контекста предмет социальных и гуманитарных дисциплин имеет региональный (национальный) характер, отражающий специфику тех культур и обществ, которые оказываются основными объектами изучения. Никто не станет отрицать, что нормы и ценности, негласные правила и стереотипы восприятия, повседневные практики меняются от общества к обществу, а дисциплины, сделавшие такие общества предметом своего изучения, формулируют гипотезы и предлагают концепции общественного устройства, которые по необходимости отличаются от гипотез и концепций их зарубежных соседей, поскольку должны адекватно схватывать наблюдаемую реальность. Антропология¹ изначально создавалась как дисциплина, призванная описывать подобные различия, однако аргументированная критика этого кросскультурного проекта в 1970–1980 годы привела к его постепенному свёртыванию и замене так называемыми региональными исследованиями (*area studies*).

Если вести речь о современных социальных науках и конкретнее – о судьбе российской антропологии (этнологии) в её нынешней ситуации, то собственно политическую идеологию, остающуюся, впрочем, весьма существенным фактором, в рамках данного обсуждения из-за очевидности её влияния можно не рассматривать. С этим влиянием отечественные исследователи научились справляться, используя различные и уже достаточно хорошо описанные стратегии. Существует, однако, ещё один слой идеологии – *интрадисциплинарный*, определяемый системой ценностей и нормами научной дисциплины, разделяемыми её адептами и профессиональным сообществом в целом. Влияние этого слоя не столь очевидно и обнаруживается лишь при конфликте ценностей, возникающем в ходе взаимодействия национальной традиции с наднациональными нормами международного сообщества, его пуб-

ликационной и научной политикой. С одной стороны, сочетание давления политической и интрадисциплинарной идеологии с языковым барьером создаёт существенные препятствия для равной конкуренции с англоязычными коллегами в профессиональных международных журналах. С другой стороны, давление, навязываемое неолиберальной экономикой с её критериями постоянного роста и аудита, столь высоко, что мне неоднократно приходилось наблюдать ситуации, когда даже в журналах, публикующих статьи на нескольких европейских языках, наши коллеги из Франции и Германии выбирали не свой национальный язык, а английский, поскольку опубликованные на нём статьи ожидаемо набирают больше цитирований и получают в результате более высокий импакт-фактор по сравнению с работами, опубликованными на родных языках. Однако гуманитарии (так в дальнейшем для краткости я буду называть представителей социальных наук и гуманитарных дисциплин) отстают по всем показателям от своих коллег по академии (медиков, биологов, математиков, физиков, химиков, экономистов), конечно же, не из-за языкового барьера, который влияет приблизительно одинаково на представителей любых дисциплин, а по причине различий в стилях аргументации и письма – как раз тех, что обусловлены, скорее, историческими традициями, местными нормами и стилями письма. Именно в них проявляются собственно идеологические влияния, о которых шла речь выше.

МЕГАЖУРНАЛЫ И ПУБЛИКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

“Негуманитариям” помогает, конечно, и сам жанр публикаций, принятый в профильных журналах с его стандартной структурой “гипотеза – материалы и методы – анализ результатов – обсуждение – заключение”, иногда предваряемой кратким обзором литературы по проблеме. Попытки внедрить эту структуру в гуманитарные журналы, в тех случаях, когда они предпринимались², породили бледные и шаблонные ученические тексты, а сами журналы, специализирующиеся на этом жанре, остаются на нижних ступенях рейтингов и выстраиваются по откровенной бизнес-модели, где собственно научное содержание отходит на второй план и к нему предъявляются менее строгие требования. Последнее, впрочем, справедливо даже для самых высокорейтинговых

¹ Я использую это понятие в качестве родового, объединяющего социально-культурную, лингвистическую (так называемую этнографическую фольклористику) и биологическую (физическую) антропологию со всеми их специализациями, включающими среди прочих экономическую, политическую, медицинскую и городскую антропологию. Под термином “этнография” подразумевается обозначение одного из антропологических методов полевых исследований, построенного на длительном включённом (участвующем) наблюдении. В истории этих дисциплин данные термины использовались и с другими значениями, неоднократно проанализированными во множестве работ по истории антропологии. Термин “этнология”, с моей точки зрения, тесно связанный благодаря предмету этой дисциплины либо с имперским, либо с националистическим проектом, становится сегодня историзмом и постепенно выходит из употребления.

² Чтобы не создавать антирекламы, я не стану приводить примеры русскоязычных журналов с такого рода инструкциями для авторов, однако каждый из читателей сможет персонально убедиться в их наличии, просмотрев пару десятков рекомендаций для авторов на сайтах университетских журналов по гуманитарным и социальным наукам.

международных мегажурналов, публикующих работы по естественным наукам.

Финский исследователь научной информации Бо-Кристер Бьёрк определяет мегажурналы как “рецензируемые академические журналы открытого доступа, задуманные изначально как значительно более объёмные, нежели традиционные журналы, за счёт снижения [критериев] отбора принимаемых статей” [1; курсив мой – С.С.]. Аналитики предложили ещё одно определение мегажурналов, важное для понимания тенденций развития естественно-научной печати: «Это крупномасштабные широкоохватные журналы, функционирующие по бизнес-модели открытого доступа (с взиманием платы за редакционную подготовку статей) и использующие новаторский тип рецензирования, который фокусируется на “здоровом смысле” [soundness] и исключает оценки новизны или важности» [2; курсив мой – С.С.], что дало им основание назвать эту модель “академической свалкой” (*academic dumping ground*). Ещё одно определение перечисляет те же особенности установленного в мегажурналах стандарта и обусловленного им снижения требований к уровню статей [3]. Низкий уровень отсева работ по сравнению с традиционными журналами позволил критикам обозначить рецензирование в них как “peer-review lite” [4] – по аналогии с *Coca-lite* – кока-колой для диабетиков, а сами мегажурналы – “коровами, доящимися наличностью” (*cash cows*). Сегодня в области естественных и точных наук существует около двух десятков мегажурналов, работающих по бизнес-модели.

Один мегажурнал публикует в среднем по 2.5 тыс. статей ежегодно (традиционные журналы за тот же период – редко более сотни, если выйдут раз в два месяца и, соответственно, 150–200, если издаются ежемесячно). Будучи журналами открытого доступа, мегажурналы обычно используют систему потоковой публикации: поскольку онлайн-издание поступающих статей осуществляется непрерывно, разделение на выпуски имеет условный характер, и такие выпуски часто не имеют номеров. Среди них есть и абсолютные гиганты. Например, только за 2017 г. топовые мегажурналы открытого доступа “PlosONE” и “Scientific Reports” опубликовали в совокупности 41 175 статей [5] – примерно столько же, сколько 200 традиционных ежемесячных журналов³. Среди журналов, которые с большой натяжкой можно отнести к гуманитарному профилю, есть всего один мегаформатный – ежемесячный журнал от-

крытого доступа “Sustainability”⁴, опубликовавший, к примеру, только в своём декабрьском выпуске 2018 г. 529 статей (в апрельском выпуске 2021 г. – 494 статьи); за 2019 г. в нём увидели свет около 7 тыс. статей. Для сравнения: “Этнографическое обозрение” публикует немногим более 70 статей в год, отбраковывая в результате рецензирования около 60% поступлений⁵. Добавлю, что в российском журнале авторы публикуются бесплатно, в то время как, например, в “Sustainability” стоимость редакционной подготовки (*Article Processing Charge – APC*), оплачиваемая авторами одобренных к публикации статей, составляет около 2 тыс. долл., а уровень отсева – не более 30%. Именно поэтому бизнес-модель мегажурналов именуют золотым стандартом открытого доступа. Золотым он оказывается не столько потому, что научная значимость его публикаций превосходит другие журналы, а по банальным экономическим показателям, поскольку выпуск даже одного номера журнала, содержащего 500 статей, приносит издателям доход (за минусом расходов на оплату редакторов) почти в 1 млн долл., и таких выпусков в год в случае топовых мегажурналов осуществляется почти сотня. Быстрый рост объёмов публикаций в мегажурналах объясняется их бизнес-моделью, в которой, в отличие от традиционных журналов, затраты окупаются немедленно, тогда как в последних они, как правило, не окупаются вообще, поскольку публикации в традиционных журналах бесплатны для авторов и их окупаемость зависит от числа подписчиков и тиража, а не от числа публикуемых в них авторов. Именно в силу таких различий между традиционными и мегажурналами даже относительно недавно стартовавшие мегажурналы типа “PeerJ” – издания открытого доступа, специализирующиеся на публикациях в области медицинских и биологических наук, – быстро завоёвывают своё место на рынке научных публикаций.

Вполне понятно, что при таких публикационных темпах, которым помогают стандартизованные схемы написания статей и ослабленные критерии отбора и качества, гуманитариям, не имеющим мегажурналов, специализирующихся на публикациях в их дисциплинах, не судьба догнать естественников по универсальной шкале оценок, предлагаемой самими издателями, раскручивающими маховик бизнес-модели. Означает ли это,

³ Борьба мегажурналов за лидерство на рынке публикаций возникла не сегодня: в сентябре 2016 г. журнал “Scientific Reports” обогнал “PlosONE”, опубликовав 1940 статей по сравнению с 1756 работами конкурента; в августе того же года эти показатели составляли 1691 и 1735 статей соответственно [4].

⁴ Журнал публикует работы по экологии человека, то есть по тому разделу наук, который в некоторых классификациях научных областей, например, во французской, относится к наукам о человеке. Жанр и стандарт публикуемых в нём статей, однако, до мелочей совпадают с принятыми в мегажурналах естественно-научного профиля.

⁵ Такой процент отсева является нормой для традиционной журнальной модели, поскольку экономический стимул “больше статей – выше доходность” в этой модели, в отличие от мегажурналов, сознательно избегается.

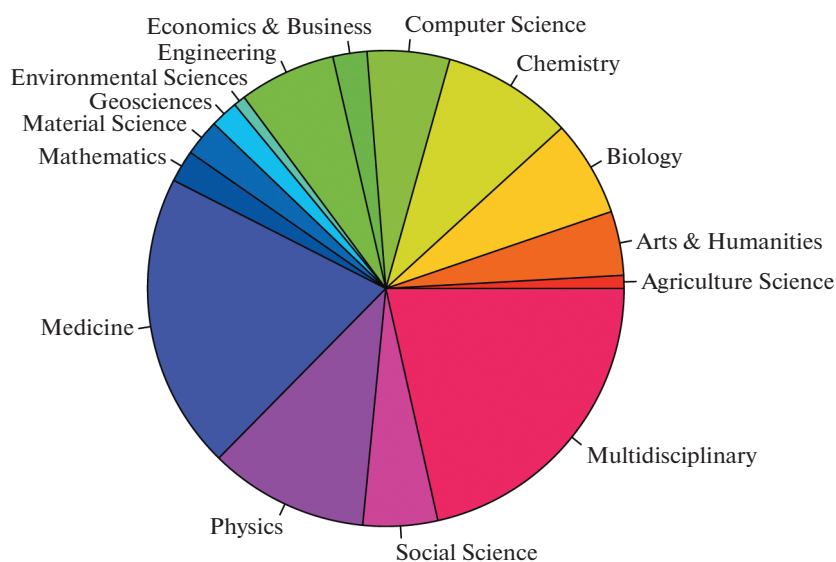
что гуманитарии работают меньше и хуже? Если полагаться на их рейтинги (сегодня нередко определяющие их зарплаты), то да. Между тем жанры и модели публикаций в этих двух сравниваемых областях различаются столь существенно и общих критериев для такого сравнения столь мало, что начинает казаться, что нас принуждают сравнивать зелёное с горячим. Российское Министерство науки и высшего образования и академические институты, в составе которых работают представители обеих профилей (гуманитарии и естественники), тем не менее измеряет одним аршином и биологов, и историков, наделяя одинаковыми баллами и тех, кто публикуется в журналах естественно-научного профиля, и тех, кто по роду занятий может публиковать результаты своих исследований только в гуманитарных журналах. Помимо того, что к гуманитарным статьям в традиционных журналах предъявляются кроме научной “здоровости” критерии новизны и актуальности, а также оценка, будет ли такая публикация интересна для профессионального сообщества (этот вопрос, как отмечают критики, вообще не задают в мегажурналах; [4]), известно, что абсолютное большинство гуманитарных статей имеет одного-двух авторов, в то время как статьи “естественников” готовятся авторскими коллективами, где одни отвечают за сбор материалов, другие за их статистическую обработку, третьи обеспечивают структуру и логику изложения, четвёртые (как правило, так называемые *native speakers*, хорошо владеющие нормами английского письменного) — языковую грамотность и т.п., так что нагрузка на каждого по сравнению с их коллегами-гуманитариями снижается в разы.

Напомню, что в случае “естественников” речь идёт о вполне стандартной, написанной по заранее известному шаблону статье, основную трудность для подготовки которой представляет сбор материала по конкретной программе. Вся творческая и интеллектуальная энергия здесь сосредоточивается на разработке такой (нередко рассчитанной на годы) программы, а основной технической трудностью оказывается поиск источников для оплаты затем уже вполне налаженной машины по производству текстов и их публикации. Интеллектуальный уровень такой статьи становится производным от интеллектуального уровня программы и сам по себе не требует дополнительных усилий. Поскольку новизна и актуальность исследования в мегажурналах как критерии отбора не используются, вклад таких статей в прогресс конкретной дисциплины остаётся под вопросом. Публикация превращается в единицу отчётности, которая рассматривается аудитом как неременная составляющая неолиберальной модели развития науки, а значительная доля ресурсов самой научной программы уходит из страны за рубеж и

перекачивается в карманы издателей мегажурналов.

Попытка внедрить бизнес-модель в издание гуманитарных журналов привела либо к её провалу, либо к серьёзной адаптации. Снижение критериев отбора и качества в данном случае было отвергнуто как плохой выбор. “SAGE Open” пришлось резко снизить стоимость APC, а журнал “Open Library of the Humanities”, задуманный как “PlosONE” для гуманитариев, вообще отказался от этой бизнес-модели, используя взамен неё членские взносы и средства спонсоров [4].

Антропология как дисциплина, к её счастью или несчастью, оседлала сразу нескольких коней: часть её субдисциплин имеет прописку по гуманитарному профилю, другая относится к социальным наукам, наконец, третья, по рейтингам наиболее успешная, использует площади журналов биологического и медицинского профилей. Коллективы академических институтов, среди специализаций которых есть и антропология, и этнология, вполне отражают эту разделённость на “науки” (*sciences*) и “искусства” (*arts and humanities*), однако в рамках этого и похожих диверсифицированных коллективов используется единый стандартизованный способ оценки работы его членов, подчиняющийся принципу “один коллектив — один стандарт”. Неолиберальная экономика и главный инструмент её политики в области отечественной науки — соответствующее министерство — рассматривают её как отрасль производства, продуктом которой являются знания. А раз есть производство и продукт, то у него есть стоимость на рынке, хотя и зависящая от рыночных спекуляций, но как раз по этой причине нуждающаяся в регулировании. К тому же бюрократ склонен действовать по шаблону, поскольку это экономит его собственные усилия, хотя и создаёт трудности для других участников процесса. В силу этого по бюрократическим меркам равного и якобы “справедливого” отношения к рейтингам естественно-научных и гуманитарных публикаций статьи, опубликованные в мегажурналах, вопреки очевидным для специалистов сниженным критериям отбора и качества, в министерствах ценятся выше десятка гуманитарных статей в журналах с традиционно высокими требованиями к новизне и качеству. Отечественная наука в результате наносится двойной ущерб: из её бюджета изымаются значительные средства, уходящие в карманы зарубежных издательских бизнес-агентств (даже цифровая регистрация статей и книг, опубликованных в России, например, присвоение уникального цифрового кода, осуществляется за счёт покупки пакетов DOI у частной канадской компании), а сама стандартизация публикаций в мегажурналах с исключением из требований к публикуемым текстам крите-

Относительная доля научных публикаций по 15 тематическим группам
 Источник: Microsoft Academic Search, 2014; DOI: 10.1371/journal.pone.0093949.g003.

рия новизны устраняет стимул для развития новых направлений.

Популяризации антропологических знаний и развитию гуманитарного знания не способствует и консервативная установка бывшей Российской книжной палаты (её функции недавно перешли к Российской государственной библиотеке, однако политика в данном отношении пока не изменилась), отказывающейся регистрировать мультимедийные электронные книжные издания, рынок которых во всём мире стремительно развивается. Для антропологии и многих других гуманитарных дисциплин этот издательский формат подходит наилучшим образом не только потому, что ускоряет и удешевляет сам издательский процесс и экономит бумагу (это по-настоящему “зелёная” технология, действительно содействующая улучшению экологии и экономии ресурсов), — он позволяет включать в издание иллюстративные аудио- и видеоматериалы (при желании — даже 3D-презентации), столь необходимые для качественного этнографического описания. Ещё один плюс таких изданий — демократизация доступа к научным знаниям, поскольку они могут практически мгновенно размещаться как на сайтах соответствующих научных центров, так и в коллекциях библиотек страны. При этом никакой речи о снижении требований к научному уровню таких изданий не идёт, так как они проходят столь же тщательное рецензирование и утверждение на учёных советах, как и бумажные монографии и сборники статей. Тем не менее министерство не желает рассматривать эти публикации как отчётные, поскольку они не регистрируются палатой, а палата опирается на сложившуюся прак-

тику, заявляя, что электронные издания — не её профиль. В сущности, причина тут — бюрократическая косность, поскольку разумных аргументов для обоснования такой позиции ни от министерства, ни от палаты до сих пор не прозвучало, да их, как представляется, невозможно изобрести. Бюрократизация некоторых аспектов оценки научных результатов, таким образом, становится тормозом развития научных знаний, которым и министерство, и палата по своим целевым функциям должны были бы всячески содействовать.

ЭКСПЕРТ ИЛИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ?

Бюрократизация науки — тема, заслуживающая отдельного рассмотрения. В рамках данной статьи уместно отметить лишь некоторые из её стратегий, наиболее эффективными из которых, пожалуй, становятся попытки превратить исследователя в эксперта, а академическую науку, особенно в случае наук социальных, — в сугубо прикладную экспертизу. Такое отношение обусловлено как сформировавшимся в неолиберальной модели управления наукой подходом к знанию как к продукту, вписанному в идеологию экономики знаний, так и сугубо бюрократическими попытками количественной оценки прироста знаний в рейтинговом и стоимостном выражении, важным параметром которого оказывается их эффективность, ярче и быстрее всего проявляющаяся именно в экспертном знании. Между тем следует помнить, что эксперт отвечает совсем на иные вопросы, нежели исследователь, и, в отличие от последнего, он не ставит их сам — их ставит перед ним заказчик. И хотя роли эксперта и ис-

следователя могут выполняться одним и тем же человеком, результаты его деятельности в этих двух ипостасях будут отличаться и по языку, и по жанру: продукт экспертной деятельности — заключения, докладные записки, доклады, отчёты; исследователь же излагает результаты своих поисков в научных статьях и монографиях. Целью первого остаётся приложение готового знания, целью второго — развитие этого знания и получение нового.

Эксперт выступает как специалист по диагностике ситуаций и разработке сценариев. Выбор и реализация конкретного сценария в его обязанности не входят, и он не несёт никакой ответственности, за исключением репутационного риска, за практическое воплощение одного из предложенных им сценариев, даже если тот завершится провалом. Но даже риск утраты репутации нивелируется отчуждением результатов работы эксперта: в отличие от публикации научной статьи или монографии, на которых стоит имя исследователя и заимствования из которых без соответствующих ссылок рассматриваются как плагиат и наказываются, экспертные записки и доклады, попадая в руки заказчиков и исполнителей, как правило, трансформируются и на уровне языка, и на уровне практических действий, а ссылки на источник здесь вовсе не обязательны и возникают обычно лишь когда заказчик желает разделить ответственность за провал. Переписывание рекомендаций эксперта обычно происходит из-за нестыковки его интересов и языка с интересами и языком заказчика. Эксперту приходится искать компромисс между языком науки и языком заказчика и каждый раз адаптировать под него научные терминологию и систему понятий.

В отличие от этого, исследователь пользуется тезаурусом своей дисциплины и разрабатывает её средства для описания новых проблем и ситуаций. Его мало волнует внятность разрабатываемой им системы понятий для неспециалистов, поскольку его адресная аудитория — коллеги, здешние и зарубежные, а в качестве “практической” проверки предлагаемого им подхода или решения выступает способность разрабатываемых им концептов схватывать описываемую реальность или предоставлять решение конкретной научной проблемы.

Работа эксперта с языком науки выглядит иначе. Ему не нужно разрабатывать новые концепты для отражения нерешённых научных проблем. В его задачи входит адаптация уже разработанных систем понятий и терминосистем к языку практиков. Далеко не каждая дисциплина располагает средствами перевода на язык администрирования или на быденный язык. Антропология (этнология, этнография) по факту своего рождения в качестве прикладной дисциплины в рамках им-

перского и/или национального проектов такими языковыми средствами располагала изначально, однако с развитием и дифференциацией её знания сложилась ситуация, в результате которой сегодня далеко не каждая антропологическая субдисциплина имеет собственные средства популяризации своих концепций. В результате примерно с середины прошлого века мы наблюдаем увеличение разрыва между языками администрирования и научными профессиональными словарями, не говоря уже о понятиях быденного языка, на которые администраторы обычно опираются в ситуациях непонимания.

Примером такого эзотерического языка в недавней истории отечественной этнологии может служить теория этноса Ю.В. Бромлея с её различением этноса, этникоса, метаэтнической, суперэтнической и этноконфессиональной общностей и предложенной им терминосистемой для обозначения этнических процессов и их характеристик, где помимо уже привычных и освоенных ассимиляции и аккультурации появились “этногенетическая миксация”, “этническая сепарация”, “этногенетическая парциация”, “межэтническая консолидация”, “этносоциальный организм” и прочие терминологические новации [6], чиновниками так и не освоенные, хотя и без особых усилий переводимые на быденный язык как процессы объединения, разделения и смешения этнических сообществ.

Разделение языков, умений, задач, распределение ролей между экспертом и исследователем не представляло бы особой проблемы, поскольку отражает стандартную ситуацию разделения труда. Однако бизнес-модель, продвигаемая неолберальной бюрократией по всему миру как успешная форма управления наукой, в области социальных и гуманитарных дисциплин приводит лишь к взвинчиванию объёмов публикаций (с неизбежным падением их качества) и росту объёмов отчётности, поскольку в публикационном бизнесе, как и во всяком прочем, затраты предполагают аудит эффективности расходов. Всё это приводит к постепенной утрате доверия к науке со стороны общества, грозящим новым средневековым [7].

В одном из первых исследований роста численности научных публикаций в мире, написанном ещё в начале 1960-х годов, его автор отмечал, что их количество росло в течение предшествующих исследованию трёх веков экспоненциально, со скоростью около 7% в год, и удвоением их числа каждые 10–15 лет [8], в то время как критическая оценка результатов этого публикационного вала постоянно отставала с растущим разрывом между возможностями критической оценки со стороны профессионального сообщества и появ-

лением всё новых и новых публикаций. Автору однажды довелось слышать ответ на подобную критику, высказанную ведущим научным сотрудником одного из академических институтов в адрес своей подчинённой, замечательно отражающий дух этой гонки. На вполне справедливые замечания она ответила: “Если я начну исправлять прежние ошибки, у меня не останется времени на то, чтобы делать новые”.

В мировой науке существуют по меньшей мере три попытки сглаживания негативных эффектов количественного аудита в науке, опирающегося на число и рейтинг публикаций: британская (*bench-marking*), в которой качество и уровень работы научных центров и университетов оценивают приглашённые независимые зарубежные коллеги — лидеры в соответствующих дисциплинах; американская, купирующая давление аудита с помощью пролиферации фондов и программ поддержки научных исследований с весьма либеральной отчётностью; французская, делающая ставку на государственное планирование и поддержку науки (её оборотная сторона — жёсткие критерии индивидуальных контрактов, часто принуждающие талантливых учёных искать возможности работы за рубежом). Германская модель, как, впрочем, китайская и японская, с моей точки зрения, более или менее успешно сочетает отдельные аспекты трёх названных стратегий поддержки науки, в то время как российская в последнее время сделала ставку на количественные методы аудита, из-за чего рядовой исследователь академического института теряет ежегодно до 150 часов рабочего времени на отчётность при растущем из года в год числе её форм вместе с необходимостью вносить свои публикации в разнообразные журнальные базы, включая РИНЦ. Всё это отнимает время от основной программы исследований, а аудит по числу, но не по качеству (выше мы уже видели, что наличие публикаций в высокорейтинговых мегажурналах не служит гарантией качества) ориентирует начинающего исследователя на бесконечное повторение проверенного и пройденного, так как критерий новизны к этим публикациям не применяется.

БАРЬЕРЫ И СИМУЛЯКРЫ

Новое в виде новых знаний, исследовательских направлений или развития пока отсутствующих в стране антропологических субдисциплин и специальных областей исследований возникает не на пустом месте — оно нуждается в соответствующих ресурсах и инфраструктуре. Гуманитарные и социальные исследования по сложившейся ещё в советские времена дурной традиции развиваются на основе бюджета, на порядок уступающего бюджетам естественных наук, и именно поэтому, если говорить о внешнеполитической

повестке, постсоветские элиты не могли справиться, не прибегая к силовым методам, с так называемыми цветными революциями, и именно поэтому в мире слабеют позиции русского языка, а во внутривнутриполитическом плане явно пробуксовывают демографическая, региональная и социальная политика, требующая развития фундаментальных знаний об обществе и его культуре. Институализация новых направлений обычно сопряжена с общественным интересом и политической волей, которые при профессиональном администрировании позволяют создавать необходимую инфраструктуру — разработку и введение соответствующих лекционных курсов, специализаций, кафедр, факультетов, создание научных обществ, журналов и, наконец, профильных научных центров и исследовательских институтов. Для всего этого необходимы финансовые вложения, которые под новые направления выделяют в режиме ручного управления, то есть произвольно.

В случае российской антропологии именно отсутствие профессионализма в управлении гуманитарными дисциплинами лежит в основе её основной болезни — опасной близости к власти, обуславливающей преимущественно экспертный и идеологический, а не исследовательский характер её знаний и устремлений. Значительная часть ответственности лежит, впрочем, на самом профессиональном сообществе, не умеющем, к сожалению, противостоять пока весьма поверхностным представлениям об устройстве социальной и лингвокультурной реальности со стороны заказчиков и потребителей этих знаний. В такой ситуации существует несколько порочных кругов: финансирование гуманитарных наук по остаточному принципу вынуждает их представителей заниматься лучше оплачиваемыми прикладными исследованиями (то есть работать на компромиссном языке экспертизы в ущерб фундаментальным исследованиям). Это отнимает время у проектов, нацеленных на поиск нового, одновременно способствуя стагнации знаний общественного характера, и мешает популяризации более адекватных, но плохо усвоенных чиновниками и публикой знаний. А поскольку заказчики экспертизы основываются на неспециальных знаниях, циркулирующих в обществе, их постановка задач изначально не соответствует не только мировому уровню знаний в данной области, но и специальному исследовательскому знанию, накопленному в рамках конкретной национальной научной традиции. В некоторых социальных и гуманитарных дисциплинах вырастают целые поколения учёных, знакомых только с тезаурусом экспертного знания, напомним, являющегося компромиссом между научным и публичным, то есть заведомо устаревшим. В случае российской антропологии, судя по потоку публикаций о

“межнациональных отношениях” и “межэтнических конфликтах”, можно констатировать, что такой компромиссный язык экспертизы с очевидностью доминирует. Он вытесняет собственно исследовательскую повестку, смещая проблематику антропологических исследований в направлении прикладных “разработок основ” культурной, языковой, “национальной” политики, или, как в случае региональных центров в республиках, — в направлении поисков древних корней и других способов прославления региональных языков и культур, необходимых для воспроизводства национализма региональных элит как основы их власти.

Оба этих проекта — имперский и националистический — питаются идеями и выстроены на основе подходов XIX в., вполне адекватно отражающих уровень знаний российской публики в данной области, но совершенно неадекватных нынешним реалиям. Они продолжают эффективно обслуживать соответствующие дискурсы и производить разнообразные симулякры, якобы призванные эти реалии объяснять. К таким идеологическим симулякрам в рассматриваемой здесь области относятся так называемые “межэтнические отношения”, включая “этнические конфликты”, или (в советский период существования этнологии) “дружба народов” и т.п.⁶ Сложившиеся формы дискурса предлагают неверные интерпретации конфликтных событий, чему немало способствует дискурс такой российской дисциплины, как “этноконфликтология”⁷. Затрачиваемые на реализацию такого рода прикладных проектов время и энергия сокращают и без того скромную ресурсную базу для осуществления инновационных направлений исследований.

* * *

Попытки навязать гуманитарному знанию систему оценок, разработанных для естественнонаучных публикаций, приводит к инфляции его ценностей: место оценки оригинальности и глубины занимают рейтинговые публикации в вы-

строенных по бизнес-модели мегажурналах, а успехом становится не появление новой, убедительной и влиятельной концепции, а размещение в каком-нибудь из топ-журналов написанной по шаблону статьи. Частные зарубежные компании получают сверхприбыли не только за счёт взимания платы за публикации — рейтинги этих публикаций и доступ к соответствующим зарубежным базам, оценки которых считаются российскими чиновниками в министерствах и фондах единственно легитимными, осуществляются также за счёт российской казны или подписчиков.

Аудит (всё новые отчётные формы, придумываемые и внедряемые отечественными министерствами, фондами, академиями, исследовательскими институтами и университетами) отнимает не менее 10% рабочего времени, которое могло бы быть потраченным на исследования⁸. Может быть, поэтому российская антропология сегодня не может гордиться достижениями мирового уровня⁹, за исключением редких находок, какой стало обнаружение пальцевой фаланги предшественника рода *Homo* в Денисовой пещере.

Ресурсы, финансовые, временные и организационные, и без того в случае гуманитариев не слишком богатые, распыляются на реализацию

⁸ Некоторые российские гранты, направленные на поддержку исследований, требуют ежеквартальной отчётности по сложным формам, в то время как, например, индивидуальные гранты известного фонда для поддержки антропологических исследований Wenner Gren вообще не требуют отчётов; получившим такой грант учёным необходимо лишь давать в публикациях стандартную ссылку на поддержку фонда.

⁹ Чтобы говорить о достижениях мирового уровня, необходимо назвать критерии, по которым такие достижения можно определять с известной степенью надёжности. Ими, на мой взгляд, нельзя считать обычные публикации в ведущих антропологических изданиях с высоким импакт-фактором, однако к ним можно относить те публикации, которые стали широко обсуждаться и цитироваться, и реально повлияли на развитие конкретных направлений антропологических исследований во всём мире. Их известность должна простираться за рамки сообщества специалистов по региону — бывших советологов и антропологов, проводящих свои исследования в России или государствах СНГ. Такие специалисты обычно следят за работами российских исследователей, но используют их лишь как обычные источники, дополняющие собранные ими материалы, и игнорируют предлагаемые в них концепции или теории. Следовательно, к достижениям мирового уровня можно отнести исследования, концепции, теории, новые направления и открытия, получившие широкий резонанс в мировой антропологии. На мой взгляд, такого уровня достигли и вошли в копилку мировой антропологии работы Л.С. Выгодского и А.Р. Лурии (их идеи используются в психологической и кросскультурной антропологии), М.М. Бахтина, В.Я. Проппа (структурализм, фольклористика, структурная лингвистика), Ю.В. Кнорозова (палеография, антропологическая лингвистика) и А.В. Чайнова (экономическая антропология и крестьяноведение). В последние полвека удалось отличиться лишь российским палеоантропологам, в то время как остальные антропологические специализации такого уровня достижений не показали.

⁶ Здесь, возможно, стоит пояснить, что дружат не народы, а люди, и отношения возникают не между “этнотами”, а между обычными гражданами, а также что ни один из так называемых “этнических конфликтов” ни в своих истоках и причинах (зачастую банальных экономических), ни в своих движущих силах этническим считать нельзя, хотя бы потому, что в конфликтующих группировках участвуют, как правило, люди разных национальностей — факт, обычно игнорируемый при описании таких конфликтов.

⁷ Разумеется, в тех обществах, где сильные родственные и клановые связи, мобилизация в ходе конфликта опирается на них, но и здесь у членов одних и тех же семей и кланов могут быть разные интересы, так что эссенциалистские трактовки событий мобилизации в таких случаях являются скорее фактором, участвующим в производстве конфликта, нежели языком его анализа.

прикладных проектов, вписывающихся в повестку так называемой “национальной политики”, в то время как, например, антропология организаций и бизнеса, профессий, досуга (включая антропологию туризма), восприятия (полевые исследования ольфакторного, густаторного и тактильного восприятия, между прочим необходимые и для прогресса технологий, в частности, робототехники), антропология катастроф, государства, цифровая и киберантропология, антропология телесности и прочие весьма важные и бурно развивающиеся в других национальных традициях области антропологических исследований и субдисциплины существуют в стране лишь за счёт энтузиазма крохотных групп исследователей¹⁰. Какому-нибудь управленцу от науки может показаться, что такие исследования российской антропологии с её традицией исторических штудий совсем не нужны, поскольку до сих пор она без них обходилась, а некоторые из названных направлений развиваются с переменным успехом российскими социологами и культурологами. Такая позиция, однако, обрекает отечественную антропологию на периферийное положение и замедляет развитие российского общества, так как нуждающиеся в экспертном знании законодатели и политики получают устаревший в интеллектуальном отношении продукт, не позволяющий на равных конкурировать с лучшим зарубежным опытом.

Ориентация на мегажурналы, по крайней мере в случае социальных и гуманитарных дисциплин, должна быть скорректирована¹¹. Нелепо поддерживать чужие дорогостоящие бизнес-услуги, получая взамен лишь стимулы к снижению качества статей и стагнации, вместо нуждающихся в поддержке инновационных направлений исследований. Пора подумать и о реформах в области регистрации опубликованных на русском языке научных статей и монографий, перестав платить зарубежным конторам за каждый ISBN и DOI и воспользовавшись хотя бы опытом КНР и Японии, организовавших собственные национальные системы регистрации научных публикаций (*Japan Link Center; China standard serial number* [11]). Положение с регистрацией электронных изданий (монографий и сборников научных статей) в нашей стране свидетельствует лишь о низком издательско-типографском уровне научных публикаций; плюсы и выгоды мультимедийного электронного формата очевидны, а бюрократиче-

ские рогаки на пути его широкого использования очень напоминают известную установку городского из рассказа Глеба Успенского “Будка” – “тащить и не пушать”.

Экспертиза должна опираться на инновационные фундаментальные исследования и новейшее знание, иначе она лишь воспроизводит язык и подходы, не только не соответствующие современным социальным реалиям, но и, как в случае отечественной этнологии, отстающим от них минимум на полвека. Недосток адекватных социальных знаний на фундаментальном уровне приводит к провалу социальных программ и в конечном итоге угрожает тому социальному порядку, в котором гуманитарное знание не рассматривается как первостепенно важное. Приоритет, отдаваемый прикладным исследованиям в российских социальных науках и гуманитарных дисциплинах, должен быть сбалансирован развитием собственно исследовательских инновационных направлений, без которых такие проекты обречены на воспроизводство очевидно устаревшего и выполняющего лишь декоративно-идеологическую функцию знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Björk B. Have the “Mega-Journals” Reached the Limits to Growth? // *PeerJ*. 2015. № 3. P. e981.
2. Spezi V., Wakeling S., Pinfield S. et al. Open-access mega-journals: The future of scholarly communication or academic dumping ground? A review // *J. Doc.* 2017. V. 73. P. 263–283.
3. Wakeling S., Willett P., Creaser C. et al. Open-access mega-journals: A bibliometric profile // *PLoS ONE*. 2016. № 11. P. e0165359.
4. Pinfield S. Mega-journals: the future, a stepping stone to it or a leap into the abyss? // *The World University Rankings*. Oct. 13, 2016. <https://www.timeshighereducation.com/blog/mega-journals-future-stepping-stone-it-or-leap-abyss>
5. Chen X. Scholarly Journals’ Publication Frequency and Number of Articles in 2018–2019: A Study of SCI, SSCI, CSCD, and CSSCI Journals // *Publications*. 2019. № 7. P. 58.
6. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1983. С. 63–80.
7. Edwards M.A., Roy S. Academic Research in the 21st Century: Maintaining Scientific Integrity in a Climate of Perverse Incentives and Hypercompetition // *Environmental engineering science*. 2017. V. 34. № 1. P. 51–61.
8. Price D.J. de S. Little science. Big Science. N.Y.: Columbia University Press, 1963.
9. Sokolovskiy S.V. Bundle of Disparate Interests: Research Fields and Sub-Disciplines in the Present-Day Russian Anthropology // *Cargo*. 2020. № 1–2. P. 65–90.
10. Mallapaty S. China bans cash rewards for publishing papers // *Nature News*. Feb. 28, 2020. <https://www.nature.com/articles/d41586-020-00574-8>
11. Wang J., Halfman W., Zwart H. The Chinese scientific publication system: Specific features, specific challenges // *Learned Publishing*. 2021. V. 34. P. 105–115.

¹⁰Анализ развивающихся направлений антропологических исследований и субдисциплин для российского случая представлен в работе [9].

¹¹Китайские университеты и научные центры, например, с февраля 2020 г. прекратили финансовую поддержку научных публикаций в качестве бонусов исследователям за каждую статью, чтобы остановить публикационную гонку и позволить учёным сосредоточиться на повышении качества исследований, а не на количестве изданных работ [10].